

В.В. Розанов
Вопрос о происхождении организмов

*По изданию: Собрание сочинений. Природа и история. Том 25.
Москва, 2008 г.*

Впервые опубликовано в журнале «Русский Вестник» №5, 1889 г. в качестве рецензии на книгу Н.Я. Данилевского «Дарвинизм: Критическое исследование» (глава I).

"Дарвинизм. Критическое исследование Н.Я. Данилевского". Том II (одна посмертная глава). С портретом и указателями ко всему сочинению. С.-Петербург, 1889 г.

Второй том критического исследования Н.Я. Данилевского должен был содержать разбор учения Ч. Дарвина о происхождении человека. Смерть неожиданно прервала работу автора, и теперь являющаяся глава есть единственное, что он успел приготовить для этого второго тома. Она посвящена разбору учения об экспрессии, которая во многих случаях является общею у человека и животных и указывает, по мнению Дарвина, на происхождение первого от какой-то формы вторых. В свое время глава эта была напечатана на страницах "Русского Вестника" (1887 г., май), и потому мы не будем ничего говорить о ней. В настоящем издании она сопровождается обширным введением, написанным Н.Н. Страховым, и несколькими указателями. Введение относится не к изданной теперь главе, но ко всему критическому исследованию Н.Я. Данилевского и может служить руководящею нитью при изучении этого обширного труда; указатели предназначены облегчать всевозможные справки в нем.

I

Высокий интерес, который связан с теориею Дарвина и ее критикою, обуславливается тем, что она явилась косвенным разрешением вопроса, в течение длинного ряда веков тревожившего человеческое сознание, — вопроса о причинности и целесообразности. В философских школах

древней Греции и в средневековых университетах, среди последователей картезианизма и между учениками Кювье, — всякий раз, когда поднимался этот вопрос, человеческая мысль глубоко волновалась, и люди разделялись на враждующие стороны. Лежит ли в основе миростроения и мироразвития один который-нибудь из двух называемых принципов, или, по недостаточности каждого из них в отдельности, они должны быть признаны оба — вот сомнение, разрешение которого, всякий чувствовал, должно не только повлиять на весь круг наук, но и определить судьбу многих глубоких верований человека, на которых — сознательно или бессознательно — до сих пор всегда покоилась его жизнь. В разгадке этого вопроса содержится не только указание, как единственно может человек понимать природу и объяснить ее явления, но и ответ на то, следует ли ему видеть в себе самом и в своей мысли факт одиночный в мироздании, без аналогий, без каких-либо связей с ним, более интимных и глубоких, нежели какие существуют между зрителем и наблюдаемым предметом.

Правда, сам Дарвин ничего не говорил об этом вопросе; но едва появилась его теория — все почувствовали, что она служит именно ответом на него. Как натуралист, он взял свою задачу гораздо уже, но и вместе — с самой трудной ее стороны. Ничего не говоря о мироздании и строго воздерживаясь от философских соображений, он объяснил одну часть в нем и выполнил это с помощью простых и ясных приемов, установившихся в естествознании. Он подметил некоторые процессы, имеющие место в природе, создал некоторые предположения, не имеющие в себе ничего невероятного, и искусно дополнив первые вторыми — дал объяснение происхождению и устройству органического мира, исключаяющее целесообразность. И так как органический мир яснее, чем все другое в природе, обнаруживал в своем строении и развитии присутствие целесообразности, то, раз показана была мнимость этой последней в нем, не оставалось никаких причин удерживать ее, в качестве объясняющего принципа, и для остальных частей космоса.

Здесь мы должны остановиться на некоторых особенностях учения, созданного Дарвином. Несомненно, устранив целесообразность как объясняющее начало, он не назвал, однако, своего объяснения и причинным. И чем внимательнее последователи и антагонисты этой теории вдумывались в ее смысл, тем более затруднялись они в определении ее значения: одни не видели в ней причинного объяснения; другие утверждали, что она носит причинный характер и что только объясняющие причины должны быть отнесены вглубь времен. Ясно, что и для тех, и для других причинный характер объяснения не был отчетлив, твердо убедителен. И вот наряду с двумя единственными объяснения-

ми, которые возможно было бы ожидать для всякого происхождения и устройства, очень упорно называется третье — объяснение через *случайное*.

В теории Дарвина есть одна особенная странность, которая и породила это недоразумение, но она почему-то никем не почувствована с достаточною живостью и яркостью. Будучи (по задаче своей) теорией *происхождения* органических форм, она в действительности говорит только об их *сохранении*; или точнее и строже: о не сохранении форм, за исчезновением которых остались те, которые наблюдаются. Все процессы, указанные им в природе, имеют лишь это последнее значение, но лишены какой бы то ни было созидающей, производящей силы. Наследственность передает потомству изменения, возникшие у предков; размножение организмов в геометрической прогрессии и вытекающая отсюда борьба за существование, уничтожая не измененные благоприятно особи, способствует сохранению тех, которые изменены благоприятно. И здесь и там *изменения рассматриваются, как уже данное*; а то, что объясняется теорией, есть лишь процесс сохранения. И это необыкновенно странно для учения, которое и само себя понимает, и принимается другими, как учение о происхождении, о генезисе, — о том, в чем есть движение и вариирование: способ возникновения изменения, а не их сохранения, есть основная задача, разрешение которой мы ожидали бы от подобного учения. Естественный или искусственный подбор, даже если он действует вечно, только присоединяет, "суммирует", по выражению Дарвина, одну новую черту в организме с другою, уже ранее возникшею. *Но и то, что он присоединяет, и то, к чему присоединяет, возникло помимо его и ранее, чем он начал свое действие*. Он же не созидает ни одной новой черты в организме; к тому, что есть в природе, не присоединяет даже йоты. Таким образом, в теории этой являются странным образом смешанными понятие возникновения, появления, и понятие сохранения, не исчезания только. Отсюда вытекает то, что ее причинный характер так неясен. Никакое возникновение не может происходить иначе, чем которым-нибудь из этих двух способов: причинным или целесообразным; но разрушение или сохранение возникшего может быть результатом случайности, и вот почему это последнее понятие — столь несовместимое с представлением возникающего, образующегося — так упорно прилагается к дарвинизму, и действительно совмещается с ним, как теорию и не имеющую объяснить какое-либо происхождение.

Здесь мы дадим, кстати, определение *случайного* — понятия, от которого не в силах ни освободиться наука, так как оно, очевидно, имеет место в жизни природы и человека, ни как-нибудь овладеть им, при-

знать его, потому что оно, по-видимому, ускользает от определения причинности — совершения по основаниям, чему все должно быть подчинено. Есть масса явлений, относительно которых все живо чувствуют, что они не находятся к окружающему в отношении толчка и движения, причины и следствия: что тут замешано что-то иное, чему и принадлежит все их значение, — и их отделили в особую область, которой дали имя случайного. В действительности явление, которое мы называем случайным, есть синтез двух простых, из которых каждое причинно, но не в том ряду, в котором причинно другое, и оба не согласованы ни в чем третьем. Таким образом, случайное относится к положению, а не к существованию, — и не к элементам предмета или явления, но к их синтезу, который в возможности, потенциально, всегда существовал, и только поэтому получил реальные формы, когда эти элементы соприкоснулись. Так, смерть человека от падения обломка скалы, под которую он шел (типичный пример случайного), есть сложение двух простых явлений: 1) того, что он шел в данном месте, 2) того, что в это время сюда упал обломок скалы; и оба эти явления в отдельности причинны, но только каждое в особом ряду, для которого не существует другого ряда, ни какого-либо звена его. И самый синтез их — смерть человека происшедшим способом — всегда существовал, но лишь в сфере неопределенной возможности (в ряду других бесчисленных способов умирания) и теперь выделился из нее, стал действительностью, как выделяется звук от удара двух цепей, в которых (явно) его не было и в которых (в возможности) он был. Таким образом, случайное не нарушает причинности; но только эта последняя проявляется здесь особым характерным способом: факт случайный есть тот, который происходит как бы не от своей причины, а от того, что есть следствие в ином причинном ряду — с этим фактом, однако, не согласованном (что было бы целесообразностью). Он порождается пересечением двух или более процессов независимого происхождения; впадением звена одного процесса в ряд звеньев другого, что на момент разрывает их и производит третье явление (случайное), которое в целости своей не содержалось ни в котором из встретившихся процессов (видимая беспричинность случайного), но как часть, ожидающая лишь дополнения остальных частей до целого, содержалось в каждом процессе порознь (действительная причина случайного). В сфере скрыто предустановленного, что мы называем потенциальностью, находят свое примирение и объяснение случайное и причинное.

Это определение случайного охватывает, как кажется, все явления, которым мы могли бы дать это имя. И под него подходит также естественный подбор, как синтез нескольких процессов независимого про-

исхождения, между собою не согласованных. И в самом деле, вот его факторы: 1) индивидуальные изменения, появляющиеся в особях случайно и во всевозможных направлениях, 2) условия внешнего существования, которые могли бы более согласоваться с одними из появляющихся изменений, нежели с другими, которые также появляются, 3) геометрическая прогрессия размножения, 4) недостаточность средств существования для всех особей, сколько бы их ни произошло, и 5) случайное спаривание особей, благоприятно измененных, с особями, получившими такие же изменения (теперь или в далеком потомстве). Все эти пять факторов случайны по отношению друг к другу, их отношение чисто внешнее, ни который из них не содержит в себе остальных и сам в них не содержится. Но из них два: индивидуальные изменения и спаривание одинаково измененных индивидуумов — случайны не только в отношении к остальным факторам, но и каждый внутри себя, во всяком отдельном звене своем. И в самом деле: каждое изменение случайно (по Дарвину), так как оно не находится ни в каком отношении к предыдущим изменениям, от них нисколько не зависит, и не подчинено вместе с тем какому-либо закону. Здесь случайное достигает той степени своей — той высоты, где она теряет всякое отношение к причинному, и мы отказываемся допустить, чтобы она имела место в природе. Второй фактор — спариванье — случайно также в каждом своем элементе порознь, но лишь в строгом и ограниченном смысле того определения, которое мы дали выше для случайного: в отдельности каждое спариванье обуславливается не цепью предыдущих спариваний, а (случайною) встречею особей, которые одинаково изменены. И, между тем, эти два фактора суть самые важные в естественном подборе: им одним принадлежит охраняющее значение в природе, прочие же все объясняют только, как погибло, почему не сохранилось то, что и не наблюдается, чего нет в формах органического мира (уничтожение неблагоприятно измененных особей в борьбе за существование).

Построив теорию естественного подбора, Дарвин описал только то, что происходит на поверхности природы, — различные комбинации уже возникшего; но он не объяснил самого возникновения, не заглянул внутрь природы — туда, где совершаются ее глубокие и скрытые процессы. Этот недостаток теории: то, что, имея объяснить, как *происходит*, она объясняет лишь, как *сохраняется*, — есть основной в ней, за которым мы не хотим даже рассматривать остальных недостатков. В сущности все, о чем идет спор между дарвинистами и их противниками, т.е. нивелирующее влияние скрещивания или возможность подбора и при нем — все это вовсе не касается органических новообразований. Спор идет только о том, что делается с первоначальным индивидуаль-

ным изменением: он *не переступает за границу этого вопроса и не может этого сделать*, потому что лишь одно это изменение, его дальнейшая судьба, раз оно случайно возникло, составляет весь предмет теории — то, о чем она написана. Пусть говорят, что существование этих индивидуальных изменений общеизвестно, что они бывают всевозможного характера; это нисколько не делает их понятными для нас, а их разнообразие не свидетельствует об их беспорядочности, об отсутствии какого-либо закона при их возникании. Именно эти изменения, открытие порядка в их появлении и исследование причин последнего — и есть задача науки о происхождении органического мира; и то, что мы окружены ими, что мы все знаем, что они есть, — говорит только о том, что мы живем в море органической жизни, не замечая его, как не замечаем воздуха, которым дышим, и не хотим понять, что это и есть самое интересное и самое нужное, что нам предстоит исследовать.

В. Розанов
